

И.Н.Макаров

Три грозы

18+

Игорь Макаров

Три грозы

«Автор»

2005

Макаров И. Н.

Три грозы / И. Н. Макаров — «Автор», 2005

ISBN 978-5-532-94873-0

В сущности это не один сборник, а два: "Три грозы" и "Вариации" и часть третьего: "Чёрная богиня". Пришлось слепить их в один из-за требований к размеру книги. Может быть это и к лучшему.

ISBN 978-5-532-94873-0

© Макаров И. Н., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Молчу. Язык красноречивый...	5
Пусть бал кипит...	6
Вариации	7
Вариации	8
Когда толпа мирские блага...	9
Поцелуями измучен – не проснусь...	10
От варягов и греков...	11
Поцелуй – хоть позабавит...	12
Ты помнишь ли меня, холодная полячка...	13
Грех! Грех! Грех! – всё потонуло в грехе...	14
Эпитафия	15
Маска	16
Из Блока	17
Я, конечно же, женюсь...	18
Я убежал от суетного мира...	19
Нам назначено дивное время...	20
Прости меня. Меня прости...	21
Есенину	22
Друзья. Вино...	23
Цыганка Вера	24
Напиши некролог на себя...	25
Пока полудня ветер спит...	26
Три грозы меня умчали...	27
Мрачно утро	28
Не плачьте женщины...	29
Панихида по юности	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Макаров

Три грозы

Молчу. Язык красноречивый...

Молчу. Язык красноречивый,
Что обещал любовь, присох.
В душе буран кипит ретивый,
И я к словам почти оглох.

Любовь минула, как болезнь проходит.
Теперь я не молюсь, а с холодом гляжу.
Спокойствие, как благодать нисходит,
А чувства уж прогнать я прочь спешу.

Уж между нами годы и пространства,
Меж нами связь потеряна давно,
Гостиниц холостяцкое убранство
И с женщинами выпито вино.

Сказать тебе слова-прощанья,
Я не могу. Прости меня! Прости!
Что пользы? И ещё одно признание?
Всё кончено. Осталось лишь уйти.

Всё кончено и даже нет надежды-
В душе моей звучит струной,
И сняты бесполезные одежды,
И я давно тобою не больной.

Пусть я молился и с презреньем
Я на любовь других смотрел,
Но не терзаюсь мукой и сомнением,
Что от тебя уйти посмел.

Теперь молчу. Язык красноречивый
Шептал всё о любви, но смолк
И образ дальний, всё же милый
Всё жив, а был ли в этом толк?

Пусть бал кипит...

Пусть бал кипит
И брызжут пеной вина,
И кубок твой налит,
И дна в нём и не видно.

Но мертвый ты.
И лишь последние скоты
Смеются, позабывши смерть,
Топча могилы хладной твердь.
Целуются под похоронный марш,
И на покойника марают шаржи,
И спичи говорят смеясь,
Жратвой обильною давясь,
С ранья до риз уже напившись,
К обеду крепко похмелившись...
И танцевать давно готовы,
Вы не молчите, скорбны и суровы.
И мысли эти вам тошны,
И вы уж в мыслях-то грешны,
Вам просто это не дано,
Прося одно: "А где ж ещё вино?"
Забыв, что на могилах пляшите,
Забыв о будущем своем и нашем.

Но бал кипит
И вина брызжут пеной,
И кубок твой разлит
Похабною изменой.

Вариации

Бог мой, мой крест,
Хоть я не богомольный
И твой прощальный жест
Я оценить не склонен.

Свобода что?
Лишь мелочь. Лишь мгновение.
Оценит кто?
Всё горечь. Всё сомнение.
Куда идти?
Что ждёт меня в пути?
Нет пристани и постоянства,
Лишь холод жуткий, спазмы пьянства.
Друзья веселые и гонки под луной,
Объятая жаркие с другой,
И лес прозрачный.
Снег в холодном свете.
Пейзаж тяжелый, жуткий, мрачный,
И огонёк далекий на примете.
Погост старинный. Чахлые кресты,
Где, может быть, лежишь давно уж ты.

Бог мой. Мой крест.
Я всё ж не богомольный,
И твой случайный жест
Я оценить не склонен.

Вариации

(Молитва)

Мой бог. Мой ангел. Моя плоть.

И я молюсь, хоть я не богомолен.

Мой бог. Мой ангел. Моя плоть,

Хоть я к иллюзиям несклонен.

Мой бог. Мой ангел. Моя плоть.

Ты не придёшь. И это невозможно:

Шаг сделан и вернуть былое сложно.

Мой бог. Мой ангел. Моя плоть.

И я молюсь: былое не разбить, не расколоть.

Когда толпа мирские блага...

Когда толпа мирские блага
Ругаясь, делит за спиной,
Их злобная, ничтожная отвага
Витают мрачно надо мной.

Я уйду. Что пользы в этом,
Когда зверья сбежится рой,
И представляется кончиной света
Делёж подобный мне порой.

И что делить? Сгорит всё это
В огне бушующих времён,
И есть вернейшая примета-
Что след бредет Армагеддон.

Я уйду. Делитесь меж собою.
Ведь пользы в этом ни на грош:
Грызаясь, вы захлебнетесь кровью,
Но не закончите вы свой делёж.

Когда толпа мирские блага
Ругаясь, делят меж собой,
Кипит, кипит хмельная брага,
Клокочет, пенится покой.

Поцелуями измучен – не проснусь...

Поцелуями измучен – не проснусь,
Ласками тебя утешить – не берусь.
Я устал, любви потехи – не влекут,
И минуты, лишь минуты мимо – всё текут.
Не зови любви мгновенья – их уж нет,
Не включай свои сомненья в сей сюжет.
Всё пройдет, усталость минет и любовь придёт,
И минута неги на небе взойдёт.

От варягов и греков...

От варягов и греков
мы ведём свой век,
Ни на что уж не способный
русский человек.
Словно с вами не ходили
по морям чужим,
Словно голов не рубили
в битвах буйных им.
На пороге мы Европы
словно не стоим.
Не понятны мы до ныне
всё же им.

От варягов и греков
мы ведём свой век,
Ты проснешься, наконец-то,
русский человек?

Поцелуй – хоть позабавит...

Поцелуй – хоть позабавит
Поцелуй меня,
На минуту хоть избавит
От тоски храня.

Поцелуй – сухие губы обдадут теплом.
Поцелуй – невзгода минет
И растает за окном.
Поцелуй – всё это сгинет.

Я тебя забуду скоро,
Поцелуй твой – нет.
Поцелуй – не надо спора,
Не прожить нам лет.

Поцелуй – хоть позабавит.
Поцелуй меня,
Поцелуй не скоро вянет,
Как душа твоя.

Ты помнишь ли меня, холодная полячка...

О.В.Л.

Ты помнишь ли меня, холодная полячка?
Как я лежал на канапе,
Как целовал тебя горячку,
Как тусклый свет играл в окне?

Дурманил цвет прозрачной кожи,
Будил во мне и страсть, и лень.
Я целовал... Осталось что же?
Лишь в памяти немая тень.

Но ныне низменные страсти
Меня по жизни вдаль ведут:
Принадлежу к мужской я касте,
Что за юбочками бредут.

Исправно с кем-то засыпая рядом,
Свершаю зверский ритуал,
Любуясь ли чужим нарядом
И знаю, что сюда никто не звал.

В бокалах вина чуть колышут,
В чужих кудрях играет свет...
Кого зову? Меня не слышат
И рядом всё тебя-то нет.

Но ты поймешь, моя полячка,
Как трудно призрак хоронить?
И всё свербит зажившая болячка,
Но всё равно с ней нужно как-то жить.

Грех! Грех! Грех! – всё потонуло в грехе...

Грех! Грех! Грех! – всё потонуло в грехе!
Грех! Грех! Грех! – души все в чёрном грехе!

Где же конец твой и будет ли он?
Но вы спешите к нему на поклон.
Грех миром правит на пользу себе,
Может копейку подкинет тебе?
Бойся подачек щедротных таких-
Ты захлебнёшься от низости их.

Грех. Грех. Грех – мир в тяжком грехе.
Грех. Грех. Грех – души увязли в черном грехе.

Эпитафия

Надгробная плита
Души моей и славы
Ещё не отлита-
Ведь нет души, нет славы.
Но давит мне на грудь
И не дает дышать,
И мой калечит путь,
Мешает даже спать.
И не даёт мне жить,
Как все живут в округе:
Мгновеньем дорожить
И думать о подруге.

Холодный камень
И слова тяжелы,
И лижет сердца пламень
Стихи мятежной школы:
"Здесь жизнь лежит. Тяжелые года.
Пора исканий. Юности блестящей.
Такой, какой я грезил жизнь тогда,
Не веря жизни предстоящей.
Под ним гора надежд разбитых
И грёз от крови не отмытых,
Наивность старых, древних лет,
И клятвы, в верности обет.
Найдется поцелуй наивный,
Девчонки тоненькой портретик дивный,
И бабы плотскую любовь,
Что выпила тогда всю кровь,
Забавы и ума игру,
И жизни дикую муру,
И многое ещё вы там найдёте,
Но для души вы мало почерпнёте:
Я это уже забыл давно-
Всё отмерло и всё равно".

Надгробная плита души моей и славы,
Всё давит мне на грудь и не дает мне встать,
Красивый камень в золотой оправе,
Что мне с души не удалось всё ж снять...

Маска

Густая маска боли,
высокий лоб-
Чудесная картина:
красивей ложат в гроб.
Она идёт, как платье,
как брюки нам порой,
Скрывается за маской
обманщик – не герой.
Скрывается за маской,
чтоб спрятаться в себе,
Сними ты маску боли-
не буду я в судьбе.
Она меня не тронет
и даже не смутит,
И ласки не уронит,
любви не породит.
Глаза всегда подводят-
не врут они одни,
Приметы нас разводят-
их много – не одни.
Тебе не сделать больно-
я ко всему привык,
И не сыграть пристойно-
от женщин я отвык.
Мне эта маска скучна-
я знаю каждый шаг,
Пусть выглядит научно,
но я тебе не враг,
Я только забавляюсь,
играю я с тобой.
Но я не издеваюсь
и искренен порой.
Коль каждый шаг изучен-
всё ясно наперед.
Я скукою измучен-
оценит ли народ?
Но скоро уж наверно
наступит фарсу смерть,
Но это точно будет
земли холодной твердь.

Густая маска боли,
смертельно бледный лоб.
Красиво и забавно-
но здесь я всё же жлоб.

Из Блока

Бокалы. Вино.
Всё Бургундское красное.
И шёлк. И мутнеет окно,
И женщин виденье прекрасное.
Камин и струится тепло.
Свеча, оплаваясь, дымится,
И копоть тихонько струится,
И вьётся табачный дымок,
И трубки горит огонёк.
Цветок одинокий.
Вазон. И глубокий
Тихонько витает покой.

Бокалы. Вино.
Всё Бургундское красное,
И шёлк, и мутнеет окно,
И женщин витает виденье прекрасное,
И тихо струится тепло.

Я, конечно же, женюсь...

Я, конечно же, женюсь:
Бабу жирну заведу,
Плотью я её упьюсь,
Разожрется и умру.

Лучше тощая бабёнка-
На руках в ЗАГС понесу.
Буду в роли я телёнка,
Только желчи не снесу.

Лучше женщина при теле-
Ни туда и не сюда-
Ты молот, молот Емеля-
Одинок? А в чём не беда.

Я убежал от суетного мира...

Я убежал от суетного мира,
Запёрся в скорлупе души,
Где мучилась шальная лира,
Где черти прятались в глуши.

И там прекрасно я прижился,
Хоть жрать порою и хотел,
Но убежать туда стремился,
Пускай порою не умел.

И лира по просторам мира
Вела меня. Вела по небесам,
Знакомила и с шутками сатира,
И голоса бывшего раздавались там.

И всё вплеталось в стих,
Ложилось в прозу
И умирало. И бросал их
Я, как бабу с возу,

Но мучился в границах я души...

Я убежал от суетного мира,
Живя в пределах мира и души,
Где развлекала только лира,
Где черти прыгали в тиши.

Нам назначено дивное время...

Нам назначено дивное время
И свиданье в стране дураков,
Где таится великого семя,
Где зарыто познание веков.

Глупость умной себя считает,
Дураком – признает себя ум,
Что в пространствах иных витает,
Не считает там денежных сумм.

Там движению нет предела,
Там бескрайность и маленький мир,
Там до глупости нету дела,
Там великий и тот-сатир.

Там себя дураком считаешь,
Там ты умный. Там много дорог.
Там ты узкой стезей шагаешь,
Там ты знаешь, что мало так смог...

Нам назначено наше время
И свиданье у многих дорог,
Но взрастишь ли ты это семя
Иль не выйдешь совсем за порог.

Прости меня. Меня прости...

Т.А.Г.

Прости меня. Меня прости!
За гордую и сильную натуру.
За то, что не пришёл. Прости!
И наломал я дров так сдуру.

Но и тебе не нужен был и я-
Тебе казалось, что на мне оковы,
Что не свободен ныне я,
И не нужны на счастье и подковы.

Ты жертвовала счастьем и душой,
А я любил детей, ещё – свободу,
Боясь, я сделать шаг к тебе большой,
Себе и лени лишь в угоду.

Прости меня. Меня прости!
За гордую и глупую натуру.
За то, что не ломал преград. Прости!
Но может это всё не сдуру?

Есенину

Отзвенели похмельные песни
И склонилась золотая глава,
И растаяли сказки небесные,
И пожухла навечно трава.

Завалилась берёзонька белая,
Клён застыл и усох на ветру,
Вишня пала давно переспелая,
Ива мрачно торчит на пруду.

Не смеётся тальянка весёлая,
Только водка рекой в кабаках,
И давно увезла его скорая,
Да и гроб пронесли на руках.

"Англестер" опустел и навечно
Он останется в списке дурном,
И закончилась жизнь и беспечно
Дух покоится в зданье пустом.

И его запретили "навечно",
Только слепок с посмертной души
Всё звучит и звучит бесконечно,
Хоть со сцены артисты сошли.

И звучат те похмельные песни,
И осталась золотая глава,
Уж ничто – те признания лестные,
И хвалебные чьи-то слова.

Друзья. Вино...

Друзья. Вино.
И женщин на паперти-
Вся жизнь видение одно.
Друзья. Вино. И женщины на паперти,
Как рюмки недопитые на скатерти,
Как в блюде недоедена еда.
Друзья. Вино и женщины на паперти.

Налей вино и обними подружку,
Пускай та шлюшка,
Шлюшка – потаскушка.
Тебе и дела нет,
Кто ныне та и кем была
И как сгорит она на склоне лет,
И утром от тебя зачем ушла.
Куда ушли друзья?
Где буду ныне я?

Друзья. Вино.
И женщины на паперти...

Цыганка Вера

Цыганка, сыграй же, сыграй
И спой же романс мне прощальный,
Цыганка, сыграй же, сыграй
Старинный и очень печальный.

Сыграй про любовь, чтоб поверил и я,
Сыграй, чтоб меня пробрало,
Сыграй, чтоб притронулся сердцем и я
И чтоб на душе отлегло.

Мирские дела хоть сейчас не тревожили
И жизнь не казалась мне тягостным сном,
Чтоб звезды судьбу мою так расположили,
Чтоб не было стыдно мне в жизни потом.

Но ты замолчала цыганка шальная,
И струны затихли во тьме.
Не уж-то душа у тебя тоже больная
И ты не споёшь уже мне?

Цыганка сыграй же, сыграй
И спой же романс мне печальный,
Я вспомню родимый мне край,
Холодный, любимый, но дальний.

Напиши некролог на себя...

Напиши некролог на себя:
Ты же знаешь это так забавно.
Пусть не скажешь: это – я,
Но глядишься в нём ты славно.

Напиши некролог на себя:
Вознесешь себя до Ганнибала,
Со слезой скупой, любя,
Что ушёл ты с жизненного бала,

Что в рассвете сил, ума и славы,
Что с мечтою – осчастливить мир,
Что враги твои всегда-неправы,
Ты ж один! Один для всех кумир!

Напиши некролог на себя,
Хоть слова плохи и лживы,
Хоть живёшь себя-то не любя,
Мыслишь только о наживе.

Что детей своих не любишь ты,
В жизни всё калечишь без разбора,
А кругом живут одни скоты,
И не вынесешь ты этого позора.

Напиши некролог на себя,
Только честный, коль найдётся слово,
Чтоб сказать: вот это точно я!
Съешь кутью, добавь и ложку плова.

Пока полудня ветер спит...

Пока полудня ветер спит,
Пока в тиши томятся феи
И сладострастья корифеи
Молчат и вслед им не летит,
И им надменный не вредит
Смешок, полудня страшны феи.

И испарений мерный жар,
И солнца бледного блистание,
Ленивой тени шаткое сознание,
И всюду жар и жар, и жар...

Отринь же лето – призрачны желанья,
Цветов дурманный, сонный аромат.
Мне лучше осени последние пылание
И по ночам ещё не ясный хлад.

А летом нет определения-
В душе усталое томление
И нет желаний. Ни к чему
Любовь приятнейшей красотки,
Не хочешь даже рюмку водки...
А лето потому – ни сердцу, ни уму.

Но всё ж порой в лесной тиши
Приятно полдня прозябанье,
Где нет и признака живой души,
И дремлет сонное сознание,
И феи спят. Морфей летает
И полдень тихо засыпает.

Три грозы меня умчали...

Три грозы меня умчали.
Три грозы.
Три судьбы в одну смешали.
Три судьбы.

Три любви родили грозы.
Три любви.
Три разлуки-жизни прозы.
Три крови.

Три любви в судьбе случилось.
Три любви.
Три надежды так не сбылось.
Три крови.

Три грозы на небе бились.
Три грозы.
Три судьбы в одну не свились.
Три судьбы

Мрачно утро

Утро мрачное проснулось:
Мглой задёрнут небосвод,
Солнце неба не коснулось,
Не пролила росных вод.

Всё застыло в ожидании
Ветра скорого, дождя
Иль любви, или признанья,
Иль тоски – не знаю я.

Что я жду? Иль бури, иль покоя?
Иль течения капель с крыш?
Или смерть не от запоя?
Или шорох. Птица? Мышь?

Но небо тучи опустило
И мрак сгустился предо мной,
Оно и слово не спросило,
Собрало бурю, напоив тоской.

И кажется что луч последний
Я видел солнца так давно,
Что блик его сегодня бледный
Разбудит нас. Но не дано.

Уж утро мрачное проснулось,
И чахлый день спешит за ним.
Природа так и не очнулась,
Дождём умылась, сон нам побратим.

Не плачьте женщины...

Не плачьте женщины
над гробами мужчин,
Не фарисействуйте
хотя бы на прощанье
И ваших слёз
не увидеть уж им,
Не тронут их
последние стенанья.

С другими скоро ляжете в постель
И в ласках позабудетесь и скоро,
А над холмом могильная метель
Сугроб насыплет очень скоро.
И скоро всё забудется в веселье,
Пусть он был вам едва ли не кумир,
А вспомнится тяжелое похмелье,
Что вдруг сошло на грешный мир.

Не плачьте женщины
над гробами мужчин:
Их не вернуть
и вы уже не нужны им.
Вам не понять,
кого вы схоронили,
Им всё равно:
любили их иль не любили.

Панихида по юности

Восторги юные давно уж унеслись

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.